

Наука и поэзия (о поэзии А.Л. Чижевского).

Всеволод Юрьевич Троицкий,

История знает гениев, отмеченных разносторонностью дарований: Микельанджело, Леонардо да Винчи, Гумбольдт, Гете.

Россия удивительно богата такими людьми. Михайло Васильевич Ломоносов, ученый энциклопедист, поэт, художник. Андрей Тимофеевич Болотов, агроном естествоиспытатель, экономист, писатель... В нашем веке – Н.А. Морозов, В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский и, наконец, А.Л. Чижевский, специалист в 18 областях знаний, названный на одной из посвященных ему научных конференций Леонардо да Винчи XX века...

Астроном, математик, литературовед, музыкант, поэт... О поэте А.Л.Чижевском и пойдет речь¹.

Занимаясь широким кругом научных проблем, А.Л. Чижевский не мог не чувствовать всеобъединяющее значение слова, не мог не осознавать его формирующую роль. И не случайно вспоминал он замечание К.Э. Циолковского «...Я повторяю свои мысли вслух, чтобы придать им вещественность, осязаемость, бытие»²

Именно в слове, звучащем в нашем сознании, мысль формируется особенно вдохновенно, живо и углубленно. А что же такое стихи, без внутреннего вообразимого звучания или звучания, воплощенного в реальном звуке?! И разве поэзия не оттачивает то особое восприятие и переживание слова, в котором оно раскрывается во всей полноте своей, в соразмышлении, и духовном соприсутствии тому, что через него выражается?..

Все это, конечно, было близко широкой натуре А.Л. Чижевского.

Не менее важно, что истинное поэтическое слово всегда образно, то есть полномерно и многогранно отражает мир.

Образ... Кто не произносил этого слова? А спросишь, что же такое художественный образ? Объясните. Молчат...

Между тем все просто, «как лазури неба». И в этой простоте – разгадка еще одной причины глубокой связи, которая существует между истинной наукой и поэзией. Об-раз... Об(в)раз... Эта удивительная частица об обозначает всесторонность освоения предмета: обойти, обнять, обхватить, обволочь... И если мы осмыслим явление (художественное произведение) в его ощутимой целостности и всесторонности, почувствуем его вплоть до деталей и запоем наше чувство, духовно сживемся с этим восприятием, оценим его со стороны эстетической и затем враз как бы мгновенно представим этот возникший сжатый в один кристалл мысленный, чувственный и духовный опыт, извлеченный нами, то на всю жизнь войдет в наше сознание алмаз жизненного опыта – образ.

О, как важен он ученому! Образное мышление – самое концентрированное, самое емкое. Воистину – это молниеносное озарение, мышление-прозрение всего существа предмета в нашем сознании...

В поэзии А.Л. Чижевского – весь он, пылкий ученый, человек своей страны, безукоризненно чистый в помыслах и правдивый в поэтическом выражении мировосприятия и мироизумления. И это изумление рождает вопрос за вопросом, образ за образом.

---

¹ Поэзия А.Л. Чижевского, если исключить журнальные и газетные статьи, издавалась трижды В 1915 в тип. Шиманского была отпечатана небольшая книжечка (всего 94 стр.) А.Л. Чижевский Стихотворения...

В 1987 близкий А.Л. Чижевскому В.И. Безъязычный, трагически погибший в 1996 году, выпустил в издательстве «Современник» книгу Александр Чижевский. Стихотворения (со вступительной статьей и приложением: «Академия поэзии. Проект»)

В Калуге к юбилею вышел сборник Александр Чижевский « В науке я прослыл поэтом...» (издательство «Золотая аллея» 1996+ , Калуга)

² А.Л. Чижевский Вся жизнь. М. 1974., с. 24.

В «Этюде о человечестве» весь мир обозначается как «лаборатория движения» единой Природы. При этом становится ясно, что действительность предстает в сознании А.Л. Чижевского-поэта как симфония движущихся систем, а гармония (можем мы догадываться) – лишь временная устойчивость в соотношении движений, равновесие движений. Такова Природа.

Она – в движении. Вещей застывших нет.
Весь мир – лаборатория движений
От скрытых атомных вращений
До электрического ритма

Владыки-Солнца

Убожества на месте каменеют
Но Человечеству даны
Движенья острые.
И мысль его быстрее горной лани
Через ущелья предрассудков
Через вершины закоснений
Стремится вдаль...

В другом стихотворении рождается еще более глубокое представление о мире, где вся жизнь воссоздана, как движение. Но где найти источник и меру этого непрерывного круговорота?

И Чижевский поэт как бы прозревает общий закон, отраженный светом сердечного прозрения. Он подходит к удивительному образу, охватывающему вечный и глубинный путь развития мира. Это – развитие, через преодоление хаотически разрозненного – к соединению мучительной силою в прекрасное целое. Это путь через страдание к гармонии. И мы добавим: через смерть к воскрешению.

Часами я сижу над препаратом
И наблюдаю жизни зарожденье.
Тревожно бьется под живым субстратом
Комочек мышц – о, вечно движенье!

Движенье – жизнь. Сложнейший из вопросов!
Но все догадки – все, бесполезны.
Возникло где? Во глубине хаосов?
Пришло откуда? Из предвечной бездны?

Бессилен мозг перед деяньем скрытым
Завеса пала до ее предела...
Здесь времена космические слиты
В единый фокус – клеточное тело.

Я тон усилил до органной мощи
Катодной схемой, - слышу ритмы строек.
Несуществующее, а уж ропщет!
Неявленное, а уж протестует!

Должно быть, жизнь – заведомая пытка!
В зародыше предвидит истязанье:
В развертываньи жизненного свитка
Звучит по миру терпкое страданье.

Но страшны тоны сердца, и тревога
За бытие земное не случайна:

Да, мера жизни это мера Бога!

«Да, мера жизни это мера Бога!» Был ли А.Л. Чижевский человеком верующим? Его поэзия отвечает на этот вопрос отрицательно, но лишь в том смысле, что он не исповедовал какой-либо религии. Однако все его мироощущение было проникнуто идеей связи самого малого с Космосом, с Природой, с тем Великим и Вечным, что дает всему жизнь. А значит, в его сознании было то самое, что называется religio – ощущение связи мира и Бога, осознанной в категориях науки. Он исповедовал религию вечнопознания, стремления к совершенству духа, не достижимому вполне в каждом из определенных моментов времени. Он исповедовал веру в вечное совершенствование и совершенство, уважение к непознанному и непонятому. Он поклонялся свободе раскрепощенной человеческой мысли с ее «вольной мудростью» и мудрой волей, он верил в конечную красоту мира. И при этом он мыслил гениально, ибо умел обнаружить за недоступным, неочевидным и незначительным для современников истину в ее очевидности и значительности.

В поэзии это religio (religamen - связывание) проявлялось убедительно, властно и неотразимо. И во многих стихах его звучит как лейтмотив трагедия человеческого ума, горе от ума, ибо ум бессилен преодолеть высоту, данную Богом. И в ряд за Тютчевским «Фонтаном» становятся полные боли от ощущения непостижимости мира вдохновенные строки:

Так! От себя нам некуда уйти,
Как нам не скрыться от страданья.
О, Мать-Материя трудны пути
На высоту Миросознания!

Иногда же озарением, отблеском веры являлось ощущение, себя как человека, как микрокосма, как образа и подобия Божия, но и оно это ощущение, выражалось в переводе на несоответствующий ему язык науки.

О беспредельном этом мире
В ночной тиши я размышлял
А шар Земной в живом эфире
Небесный свод круговращал.

О, как ничтожество земное
Язвило окрыленный дух!
О, как величие родное
Меня охватывало вдруг!

Непостижимое смятенье
вне широты и долготы
И свет, и головокруженье
И воздух горней высоты!

И высота необычайно
меня держала на весу
И так была доступна тайна
Что я весь мир в себе несу.

Когда же, обретая естественное ощущение греховности, вдруг проникает Чижевский-поэт за грань рациональных рассуждений, раскрепощенное от насилия «ученого» разума, живое чувство сразу поднимает его на тютчевскую, истинно поэтическую высоту.

Не зная, где искать покоя,
Я поднял снова посох свой
И, глядя в небо голубое,

Побрел дорогой столбовой

Вокруг меня желтое поле,
Синеет лес, звенит ручей.
Какая ширь! Какая воля
Над бедной головой моей!

Отрадны птицы в небе реют
Скользя в лазури тепле.
Они не видят, не жалеют
Меня, прилипшего к земле.

Ручей в зеленошумной сени
Меня прохладою привлек,
Плачу я горестные пени
За каждый выпитый глоток.

Зачем я всюду разрушенье
Ежеминутно наношу?
Ежеминутно размышленье
В тоске природе приношу!

Увы, меня боятся звери
И, как преступника, бегут –
Ведь нас одни и те же двери
К исчезновению ведут!

Пути миропознания, жизнь мысли, науки, разочарования и взлеты гордого, несломленного, но ограниченного самодостаточностью мощного ума, наконец – дерзкие попытки все же достичь полноты умозрения и осознание ограниченности разума человека в вечно обновляющейся Вселенной: вот что выразила поэзия Чижевского.

Бессмертие! Гляжу в твои истоки
В ряды преображенных числ
Объемлют мир единые потоки
Единый сокровенный смысл.

Все прошлое и будущее слито
В непрерывающийся ряд
И мысли несончаемость открыта
Где числа торжествуют и творят

«Я Ваш, - мне хочется сказать им, -
Я ваш, не бойтесь же меня
Мы жизнью общею заплатим
За голубое небо дня!»

Но все смеются надо мною
Не хочет дружбы мир моей
И прохожу я стороною,
Всему чужой – всему злодей.

И лишь в редчайшие мгновенья
Иль в миротворный смерти час

С великим счастьем примиренья

Природа принимает нас.

Поэзия Чижевского показала, что чем с большей полнотой мы познаем действительность, тем более приближаемся мы к Богу, ибо сильнее ощущаем невозможность абсолютной полноты познания, свою малость и невежество («знаю только то, что ничего не знаю»), свою беспомощность и незащищенность, невозможность серьезно рассчитывать на помощь людей и «человечества», столь же беззащитного, как и мы сами, перед лицом жизни и так называемых случайностей, ибо устаем бесплодно надеяться и начинаем понимать, что счастье близко, и только чудо и вера в Бога дает то, что прочно, ибо премудрость Божия - единственная опора в безумном мудрствовании. Нелегко понять это потерявшему веру...

Изображение Чижевским материальных закономерностей поднято Чижевским до истинной поэтичности, но, как правило, не достигает уровня духовных прозрений. Кажется, еще чуть-чуть - и откроется Истина! И она открывается - но не там, где сосредоточенно ищет ее ученый-поэт.

Она открывается в том, что кажется обычным, даже обыденным, но на деле содержит иную, духовную сущность, - надобыденную, но открытую всем, неисчерпаемую, вечную, прекрасную, добрую, мудрую и исполненную любви:

В смятеньи мы, а истина – ясна,
Проста, прекрасна, как лазури неба!
Что нужно человеку? Тишина,
Любовь, сочувствие и корка хлеба.

Возвращаясь к теме человека познающего, следовало бы определить и узкое место в поэзии А.Л.Чижевского. Оно – в ее достоинствах, в том, что А.Л. Чижевский остается естествоиспытателем и в поэзии. Через естество он дерзает постигнуть и дух, не подчиняющийся законам естества. И ощущение этого, понимание тупика его поэзия отразила удивительно точно:

Как тянет в бездну с высоты!
Как упоительно пространство!
Как рвется он из-за черты
Живой души непостоянство

Смотри: внизу, где тонкий дым
Ручья, скользящего на скалы,
Восходит клубом голубым
Есть темно-синие провалы.

Туда с размерности земной
Осилив головокруженье
Сверши полет над глубиной
В ее влекущее владенье.

А бездна манит, бездна ждет,
И в том ее предназначенье!
Дерзайте ж, смертные, вперед:
В стихию, в смерть, в уничтоженье!

Что все же подняло поэзию А.Л.Чижевского на высоту классическую? Искренность, честность по отношению к мысли и слову, безукоризненная

требовательность к себе, в стремлении передать именно то, что мыслится, и наконец, огромная широта его ума, масштабность мысли от Космоса до клеточки, от Вечности до мгновения.

Она сказала и в ощущении исторических событий. Вот как предстает в его изображении 1917 год:

Страшна ты Русь, о, как страшна!
Когда пучину воздымая
Ревет народная волна
Глаголам неба не внимая

Когда мятежный ураган
Сжигает мудрые преданья
И треплет скалы океан
Остервенением восстанья

Сквозь этот бой, безумный бой
Мы с содроганьем проследили
Как пар венчал морской прибой
И кровью скалы исходили.

Как в разъяренной нагоде
Дробились древние скрижали,
Как страсти рдели в высоте
И звездами изнемогали.

Когда ж, на миг оцепенев,
Борьба в пучинах умолкала
Звучал молитвенный напев
Сквозь раскаленные забрала.

И снова дыбилась волна
И скалы черные качались
И разверзалась глубина,
Когда стихии сопрягались.

Бессмертен всенародный бой
Тобою разрешенный смело
Пред человеческой судьбой
Свое ты выполнила дело!

И в роковой для мира час
Неотвратимого решенья
Огонь священный не погас:
Сверкают зыби и каменья.

Страшна ты, Русь, о, как страшна,
Когда подняв до звезд пучины,
Ярится вещая волна
И обнажаются судьбины!

Она сказала и в том прозрении державной России, которое отразилось в стихотворении «Государство». Ведь духовное начало – основа слова и словом созидается. Но разве не слово-мысль, державное слово, соборное слово, государево слово строило великую Россию? Русский дух, - писал А.С. Хомяков, - создал самую русскую землю в бесконечном объеме, ибо это дело не плоти, а духа...»³

Как бы в созвучьи с этой мыслью Чижевский пишет:

Нет, Государство не машина
В нем должен бодрствовать и дух!
Что с хладным трупом домовина,
Когда мертвец и нем и глух!

Его источат черви злые
А время довершит их труд.
В архивы мира вековые
Его следа не донесут.

Нет, государство духом живо
И единением сильно
Под общий стяг миролюбиво
Века собирается оно.

Растут единство, сила, слава,
Мужает гордый дух страны
Единый клик – стечется лава
На подвиг мира иль войны!

Духовной силы труп не знает
Печален стук гнилых костей
Мертвец лишь мертвых понимает
В глухой обители своей.

Но там, где есть душа живая
Душа страны, - и без речей
Стечется сила огневая
Являться миру горячей.

Нет, Государство не машина
В нем должен бодрствовать и дух!
Что с хладным трупом домовина,
Когда мертвец и нем, и глух!

Но Чижевский не был бы ученым, если бы не попытался определить научно место поэзии в системе знаний и опыта. И эта попытка была предпринята им в труде, на столетие опередившем уровень современной культуры. Ибо для большинства наших современников поэзия – это забава, удовольствие, назидание, история, политика, философия, - словом, все что угодно, только не то, что она есть и для чего предназначена. Между тем она – жизнь, она единственная «очеловеченная» словом связь с полнотою окружающего нас мира. Чижевский понял это.

В своем труде «Академия поэзии. Проект», он прозорливо писал:

«Литература и музыка, живопись и ваяние – вот истинные двигатели мировой культуры».

---

³ Хомяков А.С. Полн. собр. соч. 1861. Т. 1. С. 515.

Это так. И сегодня нам доказывают это «от противного». Ибо антикультура, антимузыка, антиживопись – служат не только тормозом, но оружием против культуры истинной, одной из непреходящих черт которой является созидательно-творческое начало.

Чижевский точно выразил и сущность, и значение поэзии:

«Поэзия сама по себе есть самая истинная, самая возвышенная общечеловеческая религия, не знающая никаких искусственно созданных преград и распространяющаяся по миру подобно свету, озаряющему все человечество, без различия национальностей и классов, и, подобно свету, понятная и желанная всем людям без изъятия.

Задача поэзии вполне аналогична задачам науки – свести разнообразные явления действительности к возможно меньшему числу обобщений. «Ее эмоциональный элемент дает ей возможность влиять там, где сухие формулы науки бессильны. Мало того: не нуждаясь в точных построениях, обобщая в бездоказательном, но убедительном образе бесконечное разнообразие нюансов, ускользающих от прокрустова ложа логического анализа, поэзия предвосхищает выводы науки...»⁴⁵

Выразить мимолетное чувство в нескольких словах и дать полную картину переживания, могущего направить наш дух в область космических волн и приобщить его к жизни вселенной – вот задача поэтического творчества!»⁶

И Чижевский создает целую программу Академии поэзии, ставя в связи с этим важнейшую и актуальнейшую политическую цель народного просвещения:

«Сложные задачи надо решить для созидания новой России!

Надо *учить* народ!

Но и этого мало, следует *воспитывать* его!

Но чем и какими средствами достичь и того и другого?

Если первое достигается наукой – от азбуки до высшего математического анализа, второе – исключительно искусством.

Одновременно с преподаванием азбуки следует преподавать искусство, внушая любовь к нему... Надо стараться, чтобы подрастающее поколение не чуждалось искусства, а потому следует культивировать искусство в душе ребенка. Когда же народ очистится влиянием культуры, к нему не пристанут никакие разрушающие идеи темных своекорыстных сил. Действительно, отрешенность народа от истинного искусства ведет к закреплению его в темных рамках пошлой будничной жизни, и только плоды высших достижений способны возвысить народ над уровнем абсолютного невежества, вывести его на свет и научить сознанию человеческой обязанности, пробуждая в душе его чистые нравственные инстинкты»⁷

А.Л. Чижевский не мог не знать, что в России есть и третий, главный источник воспитания – Православная вера. Он не мог не понимать, что религия прежде всего духовно организует и сорганизует личность с Высшим началом, а значит во многом определяет ее поведение и историческое бытие в целом. Но в то время на всякое упоминание религии был наложен запрет. Отсюда и проистекает попытка ученого хоть как-то сохранить это понятие: искусство называет он современной религией. И это конечно же было лучше и вернее, чем категорическое поклонение сомнительной формуле «Бытие определяет сознание».

В пробуждении чистых, нравственных инстинктов через духовность искусства видел А.Л.Чижевский путь к возрождению России.

---

⁴ Горнфельд А. Поэзия. Вопросы теории и психологии творчества. Т.1.

⁵ Александр Чижевский Стихотворения. М.: Современник, 1987. С. 207, 208, 210.

⁶ Там же. С. 202-203

⁷ Там же.